

Сизова Ирина Игоревна

КОМЕДИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО "ПЕРВЫЙ ВИНОКУР" В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЬСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (1886-1910)

В статье впервые рассматриваются отзывы на комедию Л. Н. Толстого "Первый винокур" (1886) художников слова и представителей литературной критики, филологической науки (1886-1910), обосновываются причины негативного восприятия этой пьесы. Комедия в художественной форме отражала чуждые рецензентам социальную этику и нравственную философию ее автора, иллюстрировала просветительскую программу писателя и издательства "Посредник". Острую полемику вызывали символические образы произведения, которые ошибочно объединяли с религиозными воззрениями Толстого в рамках понятия "мистицизм".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. С. 39-44. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

разговаривать-ть-ть, тс-с-с, – прошипел хвост-змея. – Меня зовут Ордос-с-с, тс-с-с...» [Ibidem, p. 184]. Тигры с острова в океане общаются с людьми-обезьянами и пришедшими к ним пассажирами корабля капитана Гуры мыслями – картинками/изображениями. Олейн обменивается со своими агентами мыслями-приказами посредством волшебного кольца. Таким образом, разные виды субъязыков поддерживают впечатление необычного, фантастического, т.е. свойств, приписываемых отдельному субъекту или группе субъектов.

Подводя итог сказанному, отметим, что в романе Б. Мюстеджаплыоглу поэтика фантастического представляет собой сложную систему художественных средств, в которой системообразующую функцию выполняют специфические речевые (лексические) формы, необыкновенный приключенческий сюжет, фантазмагорический хронотоп, субъектные (персонажные) оппозиции. Субъектные различия (персональные и групповые) поддерживаются наделением субъектов сверхъестественными свойствами (субъектные превращения) и моделированием субъязыков (в том числе тайных), что позволяет обеспечить динамику образов персонажей. Но, тем не менее, психологический рисунок образов остается достаточно бедным и не компенсируется сверхъестественными свойствами и действиями героев.

Список источников

1. **Купина Н. А., Литовская М. А., Николина Н. А.** Массовая литература сегодня: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 423 с.
2. **Репенкова М. М.** Вращающиеся зеркала: постмодернизм в литературе Турции. М.: Восточная литература, 2010. 240 с.
3. **Müstecaplıoğlu B.** Şamanlar Diyarı. İstanbul: İthaki Yayınları, 2015. 294 p.

**THE POETICS OF THE FANTASTIC
IN BARIŞ MÜSTECAPLIOĞLU'S NOVEL "THE COUNTRY OF SHAMANS"**

Repenkova Mariya Mikhailovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
mmrepenkova@rambler.ru

In the article it is proved that the poetics of the fantasy in B. Müstecaplıoğlu's novel "The Country of Shamans" (2012) forms a complex set of artistic means, among which the central place is occupied by the speech-genre lexical units connected with the notion "unreal". These lexemes make up two intra-textual paradigms, revealing different aspects of the fantastic – with positive (shamans, Divine powers, Good) and negative (magic, state, Evil) connotations. Fantastic poetics is supplemented by an unusual plot, a phantasmagoric chronotope, and subjective (character-based) oppositions. The subjective distinctions (personal and group) are supported by the provision of subjects with supernatural properties and by modeling of sublanguages.

Key words and phrases: Turkish fantasy novel; Barış Müstecaplıoğlu; "The Country of Shamans"; subjective oppositions; speech-genre forms; unusual chronotope.

УДК 82(091); 82-2; 82:09; 82-95; 82:801.6; 82-1/-9

В статье впервые рассматриваются отзывы на комедию Л. Н. Толстого «Первый винокур» (1886) художников слова и представителей литературной критики, филологической науки (1886-1910), обосновываются причины негативного восприятия этой пьесы. Комедия в художественной форме отражала чуждые рецензентам социальную этику и нравственную философию ее автора, иллюстрировала просветительскую программу писателя и издательства «Посредник». Острую полемику вызывали символические образы произведения, которые ошибочно объединяли с религиозными воззрениями Толстого в рамках понятия «мистицизм».

Ключевые слова и фразы: Лев Толстой; комедия «Первый винокур»; писательская и литературная критика; филологическая наука; драматургия для народа; социальная этика и религиозная философия Толстого; символизм в поэтике народной литературы Толстого.

Сизова Ирина Игоревна, к. филол. н.

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
u_sizova@bk.ru

**КОМЕДИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО «ПЕРВЫЙ ВИНОКУР» В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (1886-1910)**

Целью настоящей статьи является реконструкция истории критических отзывов на комедию Л. Н. Толстого «Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил» (1886), которые принадлежат писателям и драматургам, представителям разных направлений литературной критики, а также филологической науки, за период с 1886 года по 1910 год. В русле заявленной темы эта пьеса Толстого становится предметом исследовательского поиска впервые. Ранее нами были введены в научный оборот аналитические обзоры рецензий на «Первый винокур» по иным проблемам – театральным, духовным (религиозно-философским)

и педагогическим вопросам [10, с. 43-47; 11, с. 42-45; 12, с. 219-226]. В рамках темы мы дополняем библиографическое пособие-указатель русской и иностранной литературы о Толстом Ю. Ю. Битовта, где упомянуты только статья Н. С. Лескова [3, с. 159].

Незадолго до смерти А. Н. Островского Толстой обратился к драматургу за разрешением перепечатать некоторые его пьесы издательством «Посредник» и послал рукопись своей комедии «Первый винокур» с просьбой высказать о ней суждение. Сведения об этом событии не сохранило эпистолярное наследие писателей; нам удалось их обнаружить в периодической печати за июнь 1886 года.

Заметка-некролог «Последние минуты жизни и кончина А. Н. Островского» появилась в ежедневной политико-литературной газете «Московский листок», издаваемой предпринимателем и писателем Н. И. Пастуховым. Здесь говорилось, что в последний год своей жизни покойный А. Н. Островский не имел уже времени заниматься самостоятельным литературным трудом, но он переводил «Антония и Клеопатру» Шекспира, окончив третьим актом. Одновременно драматург просматривал и исправлял новые пьесы начинающих авторов, которые присылали ему свои сочинения на «предварительную цензуру». Таких пьес осталось в архиве А. Н. Островского более тридцати. «Дня за три до своей смерти, А. Н. получил из Тулы от графа Л. Н. Толстого объемистую тетрадь, первое его драматическое произведение “Первый винокур”, при письме, где граф Л. Н. Толстой просит “отца русской драматургии” прочитать его пьесу и высказать о ней свой отеческий приговор. К сожалению, смерть и здесь помешала, а было бы, несомненно, в высокой степени интересно выслушать приговор маститого драматурга над не менее маститым романистом» [9, с. 2]. А. Н. Островский все же успел высказать свой «приговор» пьесе Толстого, даже, как вспоминал литератор Н. Н. Луженковский (Л. Новский), «вполне одобрил ее в принципе» [1, с. 287].

Тот факт, что А. Н. Островский одобрил «Первый винокур» всего лишь «в принципе», знаменателен. Эта оценка драматурга вскрыла вехи социально-философского, эстетического и художественного поиска Толстого. Тридцатилетний период, предшествовавший перелому в социальной этике писателя, сменил новый этап, связанный с эволюцией его мировоззрения, состоявшейся, как он сам признавался, в 1876-1877 годах («Письмо к Н. А. Александрову», 1882). В политической доктрине аристократии, как Толстой ее понимал, он бескомпромиссно раскритиковал праздность и «наслаждение» «избытком» привилегированных сословий, когда рядом производители материальных благ «мрут от голода», и выдвинул аксиологический тезис о том, что человеческая жизнь представляет собой не только «личное», но и «общее» «благо» [15, с. 211]. Эта основа запустила процесс формирования новой теории искусства и создания принципиально иной художественной формы.

Литературная критика рассматривала творчество Толстого после «Анны Карениной» как иллюстрацию его нравственной философии. Подразумевалось, что теперь художник уже не просто рисовал жизнь, он писал, чтобы учить, как следует жить. Многие рецензенты полагали, что автор «Войны и мира» нередко обладал дидактизм народной литературы в символические образы.

В комедии «Первый винокур», как и в рассказе «Как чертенок краюшку выкупал» из сборника «Три сказки Льва Толстого» (1886), этот символизм выражали образы владыки и слугителей ада, картина преисподней. В этих произведениях обработан сюжет, широко бытовавший в разных жанрах устного народного творчества. Неопытный чертенок (первый винокур) «командируется» по делам своей службы из ада на землю, становится батраком мужика и учит его варить водку.

Толстого времени создания народной литературы часто упрекали в заимствовании готовых сюжетов из книг или картин, давно известных народу. Н. С. Лесков жестко полемизировал с подобным обличением писателя в несамостоятельности и пренебрежении «сочинительством». Размышляя о связи комедии «великого мастера» с одноименной ей литографией И.-Г.-Г. Блиссмера в статье «Откуда заимствован сюжет пьесы Л. Н. Толстого “Первый винокур”», опубликованной 9 июня 1886 года, Н. С. Лесков не без иронии публично призывал повысить уровень образования «экспертов» Толстого: «Если вспомнить Карлейля и Маколея и вспомнить также их ссылки и посылки на источники и материалы, то выйдет, что Карлейль и Маколей знали и простонародные книги и картины, а наши критики как будто этим пренебрегли, и оттого они больше бойки, чем многосторонне начитаны, и дают повод к нареканиям, что они знают не все, что литературному оценщику книг знать и понимать надобно» [5, с. 133]. Впрочем, известен не публичный, приватный отклик Н. С. Лескова на народные драмы «Первый винокур» и «Власть тьмы». В письме к издателю и писателю А. С. Суворину от 24 января 1887 года он охарактеризовал их вещами «скупными» и не имеющими той «цены», «какую им селятся придать хвалители Толстого» [Там же, с. 326-327].

Ежемесячный литературный и политический журнал «Русская мысль» издателя и переводчика В. М. Лаврова выпустил в июне 1886 года библиографический разбор двенадцатой части «Сочинений» Толстого (1886). Положительно отмечены здесь философский тон («глубина мысли») и дидактика («учительский характер») всех народных произведений [14, с. 375]. Рецензент не принял «выдающейся роли» чертей, чертенят и дьяволов. «Мы думаем, – констатировал он, – что без них было бы возможно обойтись и следовало бы обходиться без них» [Там же, с. 377].

Виднейший теоретик русского народничества, публицист и критик Н. К. Михайловский в очерке «Еще о гр. Толстом», вышедшем тоже в июне 1886 года, рассмотрел «элемент чудесного», который «господствовал» во многих произведениях Толстого для народного читателя фирмы «Посредник», как мистический, иррациональный тип образного мышления. Месяцем ранее, в очерке «О гр. Л. Н. Толстом», критик в целом дал высокую оценку издательству и деятельности писателя на поприще народного образования: «Дело, что и говорить, хорошее, но одна ласточка весны не делает» [6, с. 349].

Мистический опыт как сверхчувственный способ познания бытия и результаты этого познания на протяжении многих веков эстетически преломляется в художественной литературе [17, с. 555]. В рамках

реалистического метода мистическое стало приемом романтического остранения, средством философско-психологического анализа действительности, сближалось с фантастикой и реализовалось через развитие религиозно-философской проблематики [Там же, с. 559]. В то же время мистика и фантастика, которая может быть мистической по форме, отличаются друг от друга. Фантастика предполагает целенаправленное выдумывание, заведомый вымысел. Субъект воспринимает мистику как подлинную реальность, хотя и принимающую причудливые формы. Наука различает две формы мистического опыта: внешний и внутренний. Первый раскрывается как видения, зрительные представления. Второй переживается как особые психофизические состояния, без зрительных впечатлений, как особого рода чувства [Там же, с. 555].

Н. К. Михайловский увидел в народном творчестве Толстого внешнюю форму мистического опыта и объединил ее с фантастическим типом образности. По его мысли, фантастические образы (ангелы, черти, дьявол, видения, ходящие по воде старцы, не гаснущие на ветру свечи и т.п.) вызваны Толстым-художником из царства небытия как аксессуары для иллюстраций моральных положений. Почему граф Толстой, задавался вопросом Н. К. Михайловский, творя для цивилизованных и образованных людей, «щеголяет» «крайним» реализмом, в то время как народу он «несет всякую чертовщину и всякие таинственности, каких в действительной жизни не бывает» [6, с. 382]?

Критик не возражал против того, чтобы в народной литературе Толстого раз-другой мог «проскальзывать» «элемент сверхъестественной таинственности» (не обрушиваться же на Шекспира за тень отца Гамлета или на Гете за Мефистофеля, которые не мешают глубокой правде поэтического изображения жизни). Но Толстому-художнику, недоумевал Н. К. Михайловский, этот прием совсем не свойственен. Ни в одном из его произведений для образованной и культурной публики, даже в «Смерти Ивана Ильича», нет аллегорических фигур, видений, чудесных явлений и совпадений. Наоборот. В народной литературе «это добро» не встречается всего в двух-трех рассказах. «Гр. Толстой дает, по-видимому, и другим толчок в этом направлении <...>, – заключал Н. К. Михайловский. – Это уже выходит целая система, обдуманная план действия, а не случайность и не внутренняя потребность или особенность таланта» [Там же, с. 382-383].

Этюд «Русская мысльбоязнь и критики Толстого» философа, критика и публициста Л. Е. Оболенского опроверг тезисы Н. К. Михайловского о мистицизме Толстого, о мистическом начале в его творчестве после «Анны Карениной» и сходстве мироощущения писателя с последним настроением Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского. Л. Е. Оболенский не согласился с трактовкой Н. К. Михайловским «фантастического элемента» в народных сочинениях Толстого, который, якобы систематически, задался целью проводить в народ мистицизм.

«Вы сперва не понимаете, зачем это, – иронизировал Л. Е. Оболенский, – но потом догадываетесь: публика легко может быть убеждена, что этот фантастический элемент сказок есть лучшее доказательство мистицизма автора» [8, с. 35]. «Стало быть, – заключал он, – например, Диккенс, у которого большинство сказочных рассказов, читаемых народом, имеют фантастический элемент, стало быть, и Гете, выводящий в “Фаусте” черта, стало быть, Э. Поэ, Тургенев со своими “Призраками”, “Песню торжествующей любви” и “Кларой Милич” тоже проводники мистицизма!» [Там же].

Л. Е. Оболенский угадал важную особенность критического восприятия современниками новой идеологии и художественной формы Толстого. О взглядах и сочинениях писателя судили поверхностно, снисходительно, с неучливой иронией. Поэтому в «нападаках» на «теории» Толстого Л. Е. Оболенский увидел «панику стадной мысльбоязни», а не «плод неудовлетворительности идей»: «...То, что следовало отметить, разобрав и отвергнуть <...>, не было даже замечено» [Там же, с. 8].

В 1889 году исследователь литературы Е. С. Некрасова обратилась к истории печатания народных книг для чтения в России, которые до 1861 года за весьма немногими исключениями фабриковались «лубочниками» и «подворотными» (эти названия заимствованы от издаваемых книжек и по месту книжных выставок). Е. С. Некрасова соотнесла брошюры «Посредника» с господствующей на рынке народных изданий лубочной продукцией и проанализировала, как в просветительской деятельности Толстого и «Посредника» преломились мировоззрение и творчество писателя. «Книга фирмы “Посредник”, – констатировала Е. С. Некрасова, – разом стала в конкуренцию с лубочными. Расходясь не в меньшем числе, чем лубочная, она жила и множилась в ущерб последней: она предпочиталась последней, вытесняла ее» [7, с. 65].

Однако, признавая заслугу «Посредника» в борьбе с лубком, в пробуждении общественного интереса к народной книге, в ее улучшении «с внешней и с внутренней стороны», Е. С. Некрасова находила «важные недостатки» в служении этой фирмы. В нравовучениях она обнаруживала сектантскую односторонность, сотовала на отсутствие книг из крестьянской жизни, популярных изданий по истории, географии, литературе, искусствам, технологии, юриспруденции, критиковала выбор житий святых [Там же, с. 73].

Е. С. Некрасова отметила, что книжки гр. Толстого «достаточно» как «хвалили», так и «бранили», но сосредоточилась на отрицательном отношении духовной и светской литературы к деятельности «Посредника», к идеологии и творчеству писателя. В критических трудах оно приняло форму тотального «порицания» [Там же, с. 64].

«Духовная литература находила, – констатировала Е. С. Некрасова, – что Толстой подрывает в народе православие, причем смешивали внешнюю обрядность, как хождение к святым местам, с самим христианским учением. Светская литература негодовала за принцип “непротивления злу”, сказавшийся почти во всех книжках Толстого, а за ним и в прочих изданиях “Посредника” <...> за введение сверхъестественного, чертовщины (“Первый винокур”, “Свечка” и т.д.), которые и без того живут в народе во всех видах и часто мешают верному взгляду на жизнь и природу» [Там же].

Символические образы Толстого Е. С. Некрасова сочла проводниками «маленького колеса» идей и нравовучений, «морали» «Посредника», которая не вызывала в ней понимания и была ей глубоко чужда: «покорись, смиришь, терпи, не противься злу, отвернись от богатства, предпочитай физический труд. Что могут

дать в воспитательном смысле такие тенденции? Они не только не двигают вперед ни мысль, ни чувство, они отвращают человека от жизни, уводят в несколько измененный вид аскетизма, которому дела нет ни до существующих форм жизни, ни вообще до существующих форм зла <...>. От тебя требуется одна добродетель – терпение и пассивность... Такой принцип <...> разлитый во всех народных рассказах Л. Н. Толстого <...> должен самым пагубным образом отражаться на жизни» [Там же, с. 72].

В 1890-е годы новый, «мистико-теологический» этап развития Толстого как художника и мыслителя углубленно исследовал критик либерально-народнического направления, историк литературы А. М. Скабичевский. По его мысли, «Исповедь», «В чем моя вера?», «Из воспоминаний о переписи» Толстого, с одной стороны, привлекали к их автору приверженцев и последователей, образовавших что-то вроде религиозной секты. С другой стороны, эти произведения приводили в немалое недоумение и уныние почитателей писателя. Многие усматривали в «мистико-теологических умствованиях» утрату великого таланта земли русской. А. М. Скабичевский особо оговорил то обстоятельство, что в обществе нередко замечали схожесть участи Толстого и Н. В. Гоголя. Такая аналогия, полагал А. М. Скабичевский, далеко не выдерживает критики: в Толстом полемическое отношение к науке, к благам цивилизации («обскурантские мысли») сочетается со светлыми идеями, «которые далеко опережают наш век своею смелостью и последовательною демократичностью» [13, с. 181].

Новые идеи и новая вера Толстого, как считал А. М. Скабичевский, преломились в маленьких «повестях» для народа, напечатанных крайне дешевыми брошюрками фирмы «Посредник», среди которых и «комедия Винокур» [Там же, с. 182]. Несомненное достоинство этих произведений – простота и прекрасный язык. Но в «чудесном элементе» А. М. Скабичевский усмотрел искусственную подделку под народные легенды и сказки. Предвзятость и тенденциозность, сквозящие из каждой строки, производили «неприятное» впечатление и могли «отталкивать» читателя [Там же].

В 1897 году анализ символики произведений Толстого, адресованных народному читателю, предпринял писатель, критик и публицист, идеолог крупного дворянства, выступавший против либерализма и народничества, К. Ф. Головин (Орловский). Народная мудрость, находил он, почерпнута из многовекового бессознательного наблюдения, своеобразного первобытного опыта и из веры в постоянное вмешательство сверхъестественного мира, столь же первобытной. Столкновение народом явлений жизни, пусть и курьезное, К. Ф. Головин выводил из верований народа, которые в высшей степени искренни и непосредственны. Толстому, продолжал К. Ф. Головин, не удалось при всем его желании сохранить подобную «наивность» в сказках. Вложенный в повествование «сверхъестественный элемент» послужил своего рода «театральной машиной» для учительского наставления в волшебной пьесе. Поэтому мораль произведения не действовала. Сверхъестественная сила под пером Толстого выступала послушным орудием: судьба действующих лиц не вытекала из их поступков, а навязывалась автором, играющим роль фатума: «Мораль не вытекает из жизни как ее разъяснение, а напротив, мнимая жизнь навязывается, в качестве примера, на готовую жизнь» [2, с. 453].

Могучий талант писателя, развивал далее свою мысль К. Ф. Головин, проявлял себя и в народной литературе, «вырываясь» из плена дидактических теорий и непосредственно выхватывая из жизни куски «животрепещущей» действительности. Но желание быть наставником брало верх над работой фантазии и подчиняло жизненные образы «предвзятой» мысли. К. Ф. Головин не понял творческой манеры Толстого, которая выражалась при создании народных книг, излюбленный им прием сочетания «правды жизни» (реализма) и нравоучительного авторского «задания», нередко принимавшего форму утопической модели социального идеала, и обвинил писателя в гипертрофированном преклонении перед идеей.

С другой стороны, К. Ф. Головин ошибочно рассматривал «идеи» Толстого вне области искусства, как результат политического, религиозного и нравственного «сектанства». Также неверно другое его утверждение, что «гениальный» художник, «подыскивая» своим идеям доказательства в существующей действительности, им в угоду коверкает жизнь, добываясь тем самым «дисгармонии» между сюжетом и тенденцией: «Как бы прекрасно ни были отделаны детали, каким бы тонким ни был анализ, в целом чувствуется разлад между идеей и призванной подтвердить ее фабулой» [Там же, с. 460].

Филологическая наука рубежа XIX-XX веков высоко оценивала «сказки» Толстого в изданиях И. Д. Сытина. Почитал поэтический талант Толстого его политический оппонент, писатель и литературный критик Н. А. Энгельгардт, придерживающийся монархических, консервативных убеждений. С его точки зрения, «совершенно новая, прекрасная» литературная деятельность Толстого для народа – «одно из выдающихся явлений двух последних десятилетий XIX столетия» [16, с. 429].

На всех рассказах, включая «народную легенду» «Как чертенок краюшку выкупал» и созданную на ее основе пьесу «Первый винокур», «видна рука великого мастера и глубокого знатока крестьянского быта» [Там же].

Эти произведения, по убеждению Н. А. Энгельгардта, внесли драгоценный вклад в общее дело литературы для народа и стоят в одном ряду со сказками М. Е. Салтыкова-Щедрина и христианскими легендами Н. С. Лескова, тоже написанными в 1880-х годах.

Одобрительно отзывался о поэтическом мастерстве позднего Толстого критик и мыслитель, представитель левого крыла партии социалистов-революционеров (эсеров) Р. В. Иванов-Разумник. Он был глубоко убежден, что Толстой до последних дней своей жизни сохранил силу художественного таланта. Темой власти вина над человеком Р. В. Иванов-Разумник объединил две комедии писателя для народного театра – «Первый винокур» и «От ней все качества» (1910). С художественной точки зрения критик нашел пьесу о мужицком чертенке «мало удачной» по сравнению с написанной на пороге смерти драмой «От ней все качества». «Одно это показывает, – заключал Р. В. Иванов-Разумник, – насколько сохранился в прежней силе талант восьмидесятилетнего величайшего писателя русской земли» [4, с. 398].

Итак, комедия «Первый винокур» вызвала широкой резонанс в литературной критике и филологической науке 1886–1910 годов. На произведение откликнулись мастера слова А. Н. Островский («Последние минуты жизни и кончина А. Н. Островского»), Н. Н. Луженовский (Л. Новский), передавший точку зрения А. Н. Островского, Н. С. Лесков («Откуда заимствован сюжет пьесы Л. Н. Толстого “Первый винокур”»), Е. С. Некрасова («Народные книги для чтения...»). Эти отзывы поднимали вопросы художественной манеры автора «балаганной пьесы», генезиса ее сюжета, истории и проблематики народной литературы в целом.

Социально-философский контекст в публичную полемику о Льве Толстом в связи с комедией «Первый винокур» вводили литературные критики и представители филологической науки. Аналитические обзоры выражали общие тенденции, свойственные эстетическим программам течений и направлений общественной мысли. Идеи народничества разделяли журнал «Русская мысль» («Сочинения графа Л. Н. Толстого...»), Н. К. Михайловский («О гр. Л. Н. Толстом», «Еще о гр. Толстом»), А. М. Скабичевский («История новейшей русской литературы...»). Не соотносил свои воззрения ни с какой партией или движением сблизившейся с Толстым в 1880-е годы Л. Е. Оболенский («Русская мысль» и критики Толстого). Консервативных убеждений придерживался Н. А. Энгельгардт («История русской литературы XIX столетия...»), левое крыло социалистов-революционеров (эсеров) представлял Р. В. Иванов-Разумник («Лев Николаевич Толстой»); противником либерализма и народничества являлся идеолог дворянства К. Ф. Головин («Русский роман и русское общество»).

Авторы критических трудов относились к разным направлениям общественной мысли, но были едины в одном: они ошибочно проводили параллель между символическими образами пьесы о первом винокуре и «мистицизмом» Толстого. Условно это понятие соотносимо с религиозными взглядами писателя, отразившимися, прежде всего, в таких его произведениях как «Исповедь», «В чем моя вера?», «Соединение и перевод четырех Евангелий», «Краткое изложение Евангелия и предисловие к нему», «Церковь и государство» и др.

Совершенно не принимались во внимание известный фольклорный источник сюжета комедии, ее предназначение зрителю временных народных театров. Репертуар балаганной пьес изобилует «аллегорическими фигурами» («На берегах красавицы Невы», «Волшебные блины, или Проказы Арлекина на масленице», «Бедные сиротки, или Тайны дремучего леса» и т.п.); народ не связывал их истолкование с христианской традицией.

Далеки от истины утверждения о падении художественного таланта позднего Толстого или о безусловном замещении в его творчестве «правды жизни» (реализма) дидактической мыслью. От взоров критиков Толстого по непонятным причинам ускользала та очевидная «правда жизни», которую выражали образы «чудесного» мира и мораль балаганной комедии. Поповский, монашеский, мужицкий, боярский, судейский, приказный чертенята и старшой черт сатирически обличали безрадостные российские реалии. По замыслу автора, пьеса предостерегала народ от пьянства, от расслоения крестьянства на бедняков и кулачество (образы «мироедов»), от поклонения «золотому тельцу» и несправедного обогащения — «дурашных денег», поэтизировала земледельческий труд (сцена пахоты).

Список источников

1. **А. Н. Островский в воспоминаниях современников** / подг. текстов, вступ. ст. и прим. А. И. Ревякина. М.: Художественная литература, 1966. 631 с.
2. **Головин К. Ф.** Русский роман и русское общество. Изд-е 2-е. СПб.: Издательство Товарищества А. Ф. Маркса, 1904. 520 с.
3. **Граф Л. Толстой в литературе и искусстве. Подробный библиографический указатель русской и иностранной литературы о гр. Л. Н. Толстом** / сост. Ю. Битовт. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1903. 378 с.
4. **История русской литературы XIX в.**: в 5-ти т. / под ред. Д. Н. Овсянко-Куликовского. М.: Издание Товарищества «Мир», 1910. Т. 5. 580 с.
5. **Лесков Н. С.** Собрание сочинений: в 11-ти т. / под общ. ред. В. Г. Базанова и др. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 11. 862 с.
6. **Михайловский Н. К.** Сочинения: в 6-ти т. СПб.: Редакция журнала «Русское слово»; Типо-Литография Б. М. Вольфа, 1897. Т. 6. 1049 с.
7. **Некрасова Е.** Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. Вятка: Типо-Литография Маишеевой, 1902. 81 с.
8. **Оболенский Л. Е.** Л. Н. Толстой. Его философские и нравственные идеи: критический этюд. 2-е изд-е. СПб.: Издание книжного магазина А. Ф. Цинзерлинга, 1887. 320 с.
9. **Последние минуты жизни и кончина А. Н. Островского** // Московский листок. 1886. № 160. 11 июня.
10. **Сизова И. И.** Критические отзывы на комедию Л. Н. Толстого «Первый винокур»: театральные и духовные издания (1886–1896) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 43–47.
11. **Сизова И. И.** Педагогические рецензии к комедии Л. Н. Толстого «Первый винокур» (1886–1896) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 42–45.
12. **Сизова И. И.** Современники Л. Н. Толстого о комедии «Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил» (по материалам фонда И. И. Горбунова-Посадова в РГАЛИ) // Материалы Толстовских чтений 2014 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого / отв. ред. Л. В. Гладкова. М.: Оригинал-макет, 2015. С. 219–226.
13. **Скабичевский А. М.** История новейшей русской литературы (1848–1890). СПб.: Издание Ф. Павленкова; Типография газеты «Новости», 1891. 523+XIII с.
14. **Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть двенадцатая. Произведения последних годов. Москва. 1886** // Русская мысль. 1886. № 6. С. 375–386.
15. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1951. Т. 30. 608+XXVIII с.
16. **Энгельгардт Н.** История русской литературы XIX столетия: в 2-х т. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1903. Т. 2. 1850–1900. 580 с.
17. **Яковлев М. В.** Мистическое // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 555–559.

**LEO TOLSTOY'S COMEDY "THE FIRST DISTILLER" IN THE PERCEPTION
OF THE WRITER AND LITERARY CRITICISM, THE PHILOLOGICAL SCIENCE (1886-1910)**

Sizova Irina Igorevna, Ph. D. in Philology
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow
u_sizova@bk.ru

In the article for the first time the writer, literary, and philological reviews on Leo Tolstoy's comedy "The First Distiller" (1886-1910) are considered, and the reasons for the negative perception of this play are grounded. The comedy in its artistic form represented the social ethics and moral philosophy of its author which were alien to the reviewers, and illustrated the education program of the writer and the publishing house "Posrednik". The symbolic images of the work that were mistakenly associated with the religious views of Tolstoy within the notion "mysticism" caused the bitter dispute.

Key words and phrases: Leo Tolstoy; comedy "The First Distiller"; writer and literary criticism; philological science; drama for people; social ethics and religious philosophy of Tolstoy; symbolism in poetics of people's literature of Tolstoy.

УДК 820 «19/20»

Шекспир был одним из любимых авторов Теннисона, часто использовавшего отдельные образы и мотивы произведений великого драматурга. В статье охарактеризована специфика трансформации сюжета «Бесплодных усилий любви» в поэме Теннисона «Принцесса». Меняя местами персонажей комедии, викторианский поэт использует шекспировский сюжет для выражения собственного отношения к проблеме положения женщины в обществе. Утверждая в традиции Шекспира торжество природы и любви над заблуждением героини, Теннисон обнаруживает в творчестве великого драматурга начало, созвучное викторианской эпохе.

Ключевые слова и фразы: поэма; комедия; викторианская эпоха; традиция; природа; женский вопрос.

Соколова Наталья Игоревна, д. филол. н., профессор
Московский педагогический государственный университет
sokol.n@list.ru

**«БЕСПЛОДНЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБВИ» В ИЗЛОЖЕНИИ ВИКТОРИАНСКОГО ПОЭТА.
ПОЭМА А. ТЕННИСОНА «ПРИНЦЕССА»**

Шекспир был любимым автором Теннисона; неслучайно последним предсмертным желанием поэта было услышать, как сын читает ему «Димбелина». Шекспировские аллюзии обнаруживаются во всем творчестве Теннисона. Поэму «Мод» («Maud») сам поэт назвал «Гамлетом» в миниатюре [8, р. 334], Мариане из «Меры за меру» посвящены два известных его стихотворения – «Мариана» («Mariana») и «Мариана на юге» («Mariana in the South»). Творчество Шекспира было для Теннисона созвучным современности. В поэме «Принцесса» («The Princess; A Medley», 1847) викторианский поэт использует сюжет «Бесплодных усилий любви» для решения одной из самых актуальных проблем своего времени.

«Принцесса», единодушно относимая исследователями к жанру ироникомической поэмы, имеет рамочную композицию. В «Прологе» группа молодых людей собирается в поместье сэра Уолтера Вивиана, открывшего свой парк для публики. Поместье являет собой причудливый конгломерат различных культур и эпох. На газонах расположена выставка Института механики, где посетители могут увидеть телескоп, миниатюрную железную дорогу, парашют, телеграф. В парке среди развалин средневекового аббатства возвышается дом античной постройки. В комнатах на столах разложены сувениры, привезенные из различных концов света: каменное долото, индейская трубка мира, восточные шары из слоновой кости, кусочки застывшей лавы. На стенах развешены предметы рыцарского облачения предков сэра Уолтера Вивиана, среди которых и оружие дамы, некогда сумевшей, надев доспехи, победить врагов в бою.

Осмотрев дом, друзья располагаются на лужайке у статуи рыцаря, на которую сестра сэра Уолтера Лилия набрасывает свой шарф. Разговор заходит о доблестной даме из рода Вивианов, и хозяин задается вопросом, может ли появиться такая женщина вновь. Лилия отвечает ему, что существуют тысячи подобных женщин, но они вынуждены подчиняться условностям, мужчины предпочитают видеть в них детей. Героиня мечтает создать колледж, где женщины смогут получить такое же образование, что и мужчины, но ни один мужчина не будет допущен туда под страхом смерти. Слова Лилии подвергаются комическому обсуждению, и общество решает развлечься сочинением сказки в духе рождественских историй, призванных утешить время зимой у очага, с их химерами, фантазиями, семиглавыми чудовищами. Почему зимняя сказка не может быть рассказана летом? Рассказчиком становится один из молодых друзей сэра Вивиана, он возьмет на себя роль Принца, от лица которого будет вестись повествование; Лилии при этом отводится роль средневековой принцессы, «величественной, эпической, смертоносной»: «Grand, epic, homicidal» [7, р. 157].

Уже в «Прологе» к поэме, создававшейся накануне открытия первого женского колледжа, воссоздана атмосфера споров о необходимости женского образования. Еще в 1830-е годы в Англии получили распространение идеи Сен-Симона и его последователей, полагавших, что женщине необходимо дать образование, чтобы она